

ПАРАД ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ГОДОВЩИН (размышления о ситуации в российской философии и современности)

В.М. РОЗИН

Подобно параду планет, в этом 2017 г. на небосводе российской культуры и философии сошлись несколько важных событий – само собой, 100 лет Октябрьской революции 1917 г., 95 лет «философского парохода», 45 лет Философского общества СССР и 25 лет Российского философского общества. Самое время подумать об этих знаменательных событиях, тем более, что, похоже, в мире начинается процесс давно назревавших серьезных социальных трансформаций и перемен.

Начну с обсуждения двух вопросов, относящихся к российской философии, ведь периодическая рефлексия своей дисциплины – важное условие профессионального самосознания. Первый вопрос: насколько нам удалось преодолеть отставание от западной философии, вызванное и высылкой за границу после революции ведущих российских философов, и эпохой тоталитарного социалистического правления, а также культ личности Сталина?

Второй вопрос только отчасти связан с первым: не является ли российская философия провинциальной? Так ее нередко оценивают. Вот мнение заместителя директора по научной работе Института философии РАН Синеокой Юлии Вадимовны. Она пишет о «невстрече» западного и российского философских миров, о ««самобытности» российской философии, практически отсутствующей в пространстве научной коммуникации», о «сознательно выбранной изоляционистской установке на самобытность». Пишет о том, что без «обратной связи с мировым сообществом, без расширения доступности и увеличения числа периодических изданий, философские науки в России обречены на провинциальное прозябание и угасание в отрыве от современной философской тематики, в отсутствии адекватного времени философского языка»¹. По-моему, точка зрения высказана предельно ясно. И не совпадает ли она со взглядами руководителей Высшей школы экономики, ориентирующих и российскую науку, и философию на образцы западной мысли и жизни?

Не менее ясно выражена позиция Валентины Гавриловны Федотовой. «Справедлив ли упрек в том, – спрашивает она, – что российская социальная наука на всех ее уровнях – академическом, постакадемическом, внеакадемическом – идет в фарватере западных теорий и не производит ничего нового, оригинального и национально-особенного, в том числе и того, что может заинтересовать Запад. Для российских ученых, в особенности тех, кто работает в социально-гуманитарной сфере, ответ на этот вопрос очевиден: у нас нет достаточного количества каналов для продвижения российской науки на Запад... М.М. Бах-

тин, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов известны повсюду в мире и иногда кажется, что много больше, чем в России.

Тем не менее появляются качественные и оригинальные российские социальные теории. Достаточно назвать некоторые имена блистательных и талантливых философов, работавших или работающих в области истории науки и социальной философии науки... О своих теоретических инновациях могут сказать очень многие сотрудники Института философии РАН, российских университетов и исследовательских центров. Но наши научные инновации плохо востребованы в России из-за неадекватного запроса власти к социальной науке или неадекватного понимания ее проектных возможностей, из-за иллюзий самоочевидности общественных проблем и упрощения, связанного с опорой на обыденное сознание и игнорирование фундаментальных достижений социальных наук. Кроме того, от социальной науки требуют конкретных рекомендаций, не получив которые, чиновники считают ее бессмысленной»².

Обе точки зрения могут быть подкреплены основательными аргументами. Действительно, разве мы печатаемся в западных философских изданиях, или наши книги выходят на английском языке? И разве наши читатели не ограничены исключительно кругом тех, кто живет в России или владеет русским языком? Да, мы читаем и знаем западных философов, но пишем для российской философской аудитории и обсуждаем в России свои философские проблемы. А вот противоположный аргумент. Возьмем для примера работы недавно ушедшего от нас Александра Павловича Огурцова или его соавтора Светланы Сергеевны Неретиной, или упомянутой Валентины Гавриловны, или Пиамы Павловны Гайденко. Это философы мирового уровня, но они пишут для российской аудитории, пишут блистательно, создают оригинальные философские концепции. К тому же откуда мы знаем, где дышит Дух? Как известно, философия возникла не в древних огромных цивилизациях Вавилона и Египта, а в маленькой и юной древней Греции. Тем не менее, не предрешая, я спрашиваю: кто же прав Синеокая или Федотова? Или возможна третья, компромиссная точка зрения, тогда в чем она состоит?

Неясен и ответ на первый вопрос: преодолено ли отставание российской философии? Здесь проблема в том, что значит «отставание». Если это – знакомство с западной философской мыслью и даже ее осмысление, то, безусловно, преодолено. Но если речь идет о работе над философскими темами и проблемами, которые волнуют западных философов, то, вероятно, нет; большинство российских философов «варятся» в собственном круге тем и проблем. Данный вопрос может быть переформулирован и в следующую дилемму: философия – это национальные типы философии (французская философия, немецкая, англосаксонская, российская и т.д.) или же это философия вообще, интернациональная (перефразируя, нельзя ли сказать: нет российской

философии, есть или просто философия или ее нет вообще)? Личное мое мнение, философия — это гуманитарное занятие и культурный феномен, а следовательно, российская философия отличается от других типов философии и существенно. При этом не нужно меня понимать так, что я призываю к изоляционизму, нет, и знание западных философских концепций и диалог с ними совершенно необходимы. Однако обогащение и развитие «мировой философии» происходит именно за счет взаимодействия национальных философий.

Те, которые считают философию наукой или «наукой наук», а саму науку сводят к естественным наукам, вряд ли с этим согласятся, поскольку, действительно, в эпистемологическом плане наука не может быть национальной, скажем, немецкой или российской (хотя в институциональном отношении вполне можно говорить о российской науке как отличной от других наук). Но опять же я не хочу предрешать ответ, а ставлю проблему. На мой взгляд, философия — не наука и не наука наук, как утверждал Гегель, хотя современный этап развития философии связан в том числе с новым ее отношением к науке. Различие между традиционной философией до Канта и современной, начиная со второй половины XIX столетия заключается, в частности, в том, что первая, хотя и имела в виду научные знания, но все же в основном была спекулятивной, а современная не просто учитывает достигнутый к настоящему моменту уровень научных исследований и знаний, но, во-первых, сознательно направляет для собственных целей развитие ряда научных направлений, а во-вторых, опосредует свои построения полученными в науке результатами исследований. В спекулятивном мышлении главное — личность самого философа. В современной философской мысли субъективность личности философа опосредуется специальными научными исследованиями и методологической работой.

Если соглашаться, что российская философия имеет самостоятельную территорию, проблемы и внутреннюю коммуникацию, то стоит поговорить о том, как в настоящее время выглядит для российских философов панорама основных вызовов времени. Не секрет, что повестку дня нам навязывает Запад, что для многих российских философов современность выглядит в духе конца истории Фукуямы, а современная история России — как 70 лет выпадения из лоно цивилизации при советской власти, а затем мучительное возвращение в это лоно. При этом цивилизация отождествляется с западной демократией, либеральным мироощущением, технологическим и экономическим развитием. Именно с цивилизационным разрывом эти философы связывают и Октябрьскую революцию, называя ее «большевистским переворотом». Совершенно другое, всем известное понимание — у наших марксистов. И третье — у ряда, так сказать, «несвоевременных» философов. Например, Александр Зиновьев высоко ставил и Октябрьскую революцию и коммунизм. В интервью главному редактору журнала «Личность.

Культура. Общество» Ю.М. Резнику он говорит: «Коммунистический строй в России не изжил себя, он был молодой, только начал взрослеть, и его убили. Искусственно разрушили. Я как социолог утверждаю, что по уровню социальной организации он выше всего того, что есть на Западе... Тэтчер была самым умным политическим деятелем на Западе в тот период. Она возглавила весь этот процесс разгрома Советского Союза силами самих советских людей»³. «Я, как ученый, по прошествии многих лет пришел к такому выводу, что с разгромом русского коммунизма Россия навечно утратила перспективу стать великой, ведущей державой. Я думаю, что советский период был вершиной русской истории, и на такую высоту Россия больше не поднимется»⁴.

А вот мнение Георгия Петровича Щедровицкого. Я считаю, пишет он, что «Октябрьская революция начала огромную серию социальных экспериментов по переустройству мира, экспериментов, которые влекут за собой страдания миллионов людей, может быть, их гибель, вообще перестройку всех социальных структур»⁵.

Я бы обратил внимание на выражение «социальные эксперименты». Да, Октябрьская революция вслед, кстати, за Великой французской революцией, продемонстрировала не только возможность реализации утопических проектов, но и новую роль государства, подчинившего себе массы, учившегося управлять ими с помощью идеологии и СМИ. Как здесь не вспомнить Зигмунта Баумана. «Современные условия, — пишет он, — делают возможным появление “изобретательного” государства, способного заменить всю систему социального и экономического контроля на политическое управление и администрирование. Что еще более важно: современные условия обеспечивают необходимый “материал” для такого управления и администрирования. Современная эпоха, как мы помним, это время искусственного порядка и грандиозных социальных “дизайн-проектов”, время плановиков, визионеров и — в более общем плане — культивирующих нечто “садовников”, воспринимающих общество как целинную землю, которая должна культивироваться в соответствии с их планами». «Два самых известных и страшных случая современного геноцида (фашизм и коммунизм) не изменили духу современности... Они породили огромный и мощный арсенал технологий и организаторского искусства. Они произвели на свет институты, которые служат одной-единственной цели — смоделировать поведение человека до такой степени, что он будет продуктивно и энергично преследовать любую цель, причем независимо от того, получил ли он идеологическое обоснование или моральное одобрение со стороны тех, кто поставил перед ним эту цель. Эти мечты и усилия узаконивают монополию правителей на конечные результаты, а управляемым отводят роль средства. Они определяют большинство действий как средства, а средства должны подчиняться конечной цели — тем, кто ее поставил, высшей воле, высшему знанию»⁶.

Здесь естественно возникает интересный вопрос: отличается ли принципиально российское государство от советского, созданного после Октябрьской революции? Одни говорят: да, отличается, поскольку наличествуют рынок, демократические институты и пр. Другие с этим не согласны: рынок у нас деформированный, бизнес «кошмарят» власти, частная собственность не защищена, независимый суд отсутствует, право и другие демократические институты в значительной степени лишь имитируются. А кто нами управляет? Разве не те же самые чекисты, получившие в СССР неограниченную власть в результате Октябрьской революции? «Вот, государственно-монополистический капитализм, — говорит на “Эхо Москвы” главный редактор “Независимой” Константин Ремчуков, — который построен в России, является государственно-монополистическим капитализмом бюрократического типа. После прихода к власти разновидность этого типа я называю “государственно-чекистский капитализм”. Его особенностью является изменение структуры бюрократии, которая руководит государством... которая, собственно, этим монополистическим капитализмом рулит и в чьих интересах перераспределяется значительная часть произведенного продукта. Так вот. Государственно-бюрократический капитализм с разновидностью чекистского типа использует огромное количество инструментов, специфически присущих спецслужбам — подслушка, просветка, шантаж, использование данных в борьбе за активы, в борьбе с конкурентами... И вот сейчас они столкнулись с конфликтом между общественным пониманием ответственности власти, какое доминирует в мире (представлением о том, что власть должна отчитываться), и тем, которое, превалирует в нашей стране (чекисты ни перед кем не отчитываются, только они задают вопросы)»⁷.

В статье Григория Водолазова «Реальный гуманизм как идеология современности» рассматривается еще одна трактовка «российского капитализма», принадлежащая Ю. Буртину. «“Номенклатурный капитализм” (так определял Буртин общественный строй, сложившийся в России в конце XX столетия). Согласно Буртину, это один из вариантов “доконвергентного капитализма” (т.е. “обнаженно классового общества, с резким разделением на богатых и бедных, с жестокой эксплуатацией меньшинством населения его огромного большинства, с полярной противоположностью ‘верхов’ и ‘низов’, их взаимной подозрительностью и злобой” — в общем, капитализм, каким он был на ранних стадиях своего развития, например, в эпоху первоначального накопления или в эпоху, описанную в “Капитале” Маркса). Он пришел на смену доконвергентному (же) социализму — тому “реальному социализму”, который имел мало общего с социалистическим идеалом, начертанным основоположниками марксизма»⁸. И указанными здесь версиями сущности нашего государства и строя социальная мысль не ограничивается.

Итак, опять совершенно разные версии: *великая революция, позволившая вывести Россию из вековой отсталости, победить фашизм и*

полететь в космос, или переворот, породивший перманентную большевистскую революцию, которая, как пишет Юрий Пивоваров, продолжается до сих пор⁹, или серия социальных экспериментов по реализации утопических проектов по переустройству мира?

Но вернусь к повестке дня, которую России навязал Запад. Начну с того, что сегодня трудно понять, что существует на самом деле, как устроен наш мир, каким закономерностям он подчиняется. Есть точка зрения, что против России существует заговор (западных элит и финансовых групп, США), что ее хотят «слить», превратив в придаток мирового хозяйства. К сожалению, реализации этого заговора способствовали российская история и традиции, неразвитость гражданского общества, общая слабость демократии, которая только-только начала складываться в процессе реформ. Новые российские элиты, имея мироощущение, по сути, воспроизводящее ценности советской власти, будучи предельно эгоистическими (в новом понимании, которое позволяет присваивать народную собственность и распределять в свою пользу бюджет государства), пошли на то, что российская экономика и хозяйство стали специализироваться на добыче сырья (нефть, газ, лес, металл), многие отрасли промышленности были свернуты, товары народного потребления импортируются из-за рубежа, распределение средств и льгот происходит в пользу властных элит.

Согласен, в настоящее время наша власть вроде бы спохватилась: заговорили о новой индустриализации, импортозамещении, необходимости освободиться от зависимости, однако, спрашивается, не поздно ли опомнились, можно ли решить эти задачи при сложившейся вертикали власти и хозяйствования, вообще можно ли их решить, находясь в идеологической войне со всем западным миром?

Другая версия: не столько заговор в условиях мировой конкуренции, сколько сознательные действия ряда социальных субъектов (властных, теневых и пр.), которые создают хаос, преследуя корыстные и эгоистические цели. В этом смысле они выступают носителями мирового зла. Отчасти эта версия объясняет и поведение российских элит или нашего телевидения, растлевающего миллионы доверчивых граждан, страдающих синдромом тоски по России как «великой державе».

Третья версия – принципиально не конспирологическая. Ключевые западные субъекты (и европейские, и американские, которые уже давно задают тон в мировой хозяйственной и экономической жизни) в период перестройки сумели достаточно быстро договориться по поводу России. Эта «договоренность» направлялась не заговором неких таинственных сил, а метанарративами западной культуры, включающими, с одной стороны, либерально-демократические ценности и императивы, с другой – вменности, сложившиеся в долгом противостоянии двух лагерей (социалистического и капиталистического). Например, для Запада было очевидно, что Россия представляет собой угрозу западной

свободе и существованию, что для ликвидации этой угрозы необходимо демонтировать советское государство, партию, силовые структуры и промышленность, что в этом случае откроются огромные возможности для западной экономики (новые источники сырья и рынки сбыта), что победа в этой борьбе будет означать торжество западной культуры и идеологии. Подобные представления вовсе не нужно было внедрять силой, они были непосредственными убеждениями западного человека. Исходя из них и «договаривались» многочисленные субъекты Америки и Европы, осуществляя экспансию в отношении России.

Не секрет, что транснациональные корпорации, фирмы и поддерживающие их западные правительства рассматривают нас как конкурентов и поэтому заинтересованы в том, чтобы наше собственное производство постоянно сворачивалось. В период реформ они подкупали российский власти, скупали через посредников наши предприятия, часто, чтобы просто закрыть их, лоббировали импорт в Россию западных товаров и зависимых от запада обычных и социальных технологий, например, стандарты управления.

То есть опять противоположное понимание происходящего заговор мировых элит, управляемый хаос или естественная непосредственная реакция разных социальных субъектов в условиях мировой конкуренции – и вопрос, кто же прав?

История показывает, что вызовы времени и эгоизм, высвобожденный развитием культуры, социальными изобретениями и новыми технологиями (поэтому каждый раз новый), рано или поздно преодолевается усилиями основных социальных субъектов, действующих на социальном поле. В настоящее же время эгоизм преодолевается не путем построения либеральных институтов (как в XVII–XVIII вв.) и не путем построения демократических институтов (как в XIX–XX вв.), а *посредством давления, торговли, переговоров, расчетов и компромиссов.*

Может быть, наши властные элиты и хотели бы забирать себе все, но вынуждены отдавать населению столько, сколько необходимо, чтобы оно голосовало «за» и не взбунтовалось. Анализ показывает, что конфликты основных социальных субъектов в настоящее время разрешаются путем установления баланса и противодействия разных сил. Существенную роль здесь играют: эгоистические устремления социальных субъектов, расчеты своего рода «разумного эгоизма», культурные факторы, обсуждения и умонастроения в обществе, активность и пассионарность отдельных сообществ, предпочтения и поступки личности, наконец, изобретение новых социальных технологий (союзы, компромиссы, переговоры, реформы и пр.). В результате и устанавливается то, что я называю «ведущим типом социальности» как характерной черты социальности нашего времени.

Можно согласиться с Г.Г. Водолазовым, что разрешение проблем современности, в том числе российских, видится на пути построения конвер-

гентных моделей социальности, в которых органически и компромиссно соединяются принципы, принадлежащие вообще-то противоположным социальным доктринам. «Один из возможных вариантов: — пишет он, — Встреча на теоретической “Эльбе” конвергентного либерализма и конвергентного социализма. Произойдет, скорее всего, не слияние их в одну идеологию, а — дружеское соревнование (чередование во власти) — демократического конвергентного либерализма и демократического конвергентного социализма. Сложится биполярная идеологическая и социально-политическая система. И будет социальный корабль покачиваться между двух неантагонистических курсов. И такой, зигзагообразный, путь будет эффективней прямолинейно-одностороннего. И это будет важной составляющей пути к той идеологии (и основанной на ней социальной системе), которую я назвал “Реальным Гуманизмом”»¹⁰.

Мне кажется, что конвергентная социальная стратегия — только один аспект того глобального социального переворота, который происходит буквально на наших глазах, но которого мы по-настоящему не видим. Дело в том, что трансформации подвергаются основные культурные и цивилизационные ценности — право, понятия справедливости, отношения между людьми и социальными институтами, способы разрешения социальных проблем и конфликтов и пр. Рассмотрим в связи с этим один пример.

В современной цивилизации налицо миллионы неработающих (безработных, беженцев, больных, просто не желающих трудиться) и не меньше работающих не полный рабочий день или только эпизодически. Этот удивительный, с точки зрения прошлого века, социальный феномен — не простое недоразумение, не досадная недоработка хорошо выстроенного здания капитализма или социализма, а постоянно действующая закономерность, значение которой, судя по всему, будет возрастать. Общество готово идти на компромисс, обеспечивая терпимую, а иногда и вполне удовлетворительную по прежним меркам жизнь всех этих миллионов (а в перспективе, может быть, одного или двух миллиардов) в обмен на социальный мир.

Подобная ситуация стала возможной и даже необходимой в силу эффективности современных технологий и производства. В будущем развитие робототехники сделает эту проблему еще более острой. В относительно близкой перспективе для производства товаров и питания нужно будет все меньше специалистов, их с успехом заменят машины, автоматические линии и роботы.

Возникают естественные вопросы: чем будут заниматься эти миллионы и миллиарды жителей Земли, а также, где же социальная справедливость, почему одни должны трудиться, а пользуются плодами их труда другие? А потому, говорят современные философы и политики, что все люди равны в своих правах и каждый человек имеет право на достойную жизнь, потому что помощь слабому, незащищенному, ли-

шенному того, что имеет другой, — одна из важнейших ценностей цивилизации, потому, что вообще национальный продукт должен распределяться справедливо, а справедливо — это когда все равны, наконец, потому, что большинство должно заботиться о меньшинстве. «Вот, для Обамы, — размышляет Евгения Альбац, — вот эти ценности, ценности свободы, ценности либеральной демократии, когда интересы меньшинства обязательно защищаются большинством, они были абсолютны. Мне кажется очень важной попытка Обамы сделать то, что называется *Obama Care*, а именно обеспечить страховками те 30 миллионов людей в США, которые не имели практически допуска к медицине... И вот этот человек, как мы видим, сейчас не просто сходит со сцены, а в результате в том числе его правления к власти приходит популист, человек прямо противоположных взглядов. Вот это такая тяжелая, во всяком случае, для меня история, которую я ощущаю, если хотите, как какую-то надвигающуюся катастрофу»¹¹.

Укрепляя указанные либеральные взгляды, правозащитники спрашивают: разве борьба за социальную справедливость не улучшила жизнь миллионов людей? Да, улучшила, говорят их оппоненты, но одновременно породила проблемы и способствовала становлению социальной реальности, где не остается места для социальной справедливости в ее исходном платоновском смысле — как царства идеального, света, разума и порядка. Критики современного перераспределения указывают на то, что этот процесс развращает население, приучая его к безделью, иждивенчеству, использованию чужих средств, манипулированию законами. Характерны в этой связи высказывания тогда еще премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона. Главный редактор «Независимой», обсуждая на «Эхо Москвы» результаты выборов в Великобритании, отмечает, что Кэмерон «совсем не заискивал с людьми. Когда речь зашла о миграции, он говорит, да, мы будем ужесточать. Почему? Потому что когда открыли свободу движения в Европе, то открыли свободу движения для рабочей силы. А не для социальных иждивенцев. Если люди по Европе шастают в поисках социальных пакетов, которые они должны получать как безработные, нам такие не нужны. Или молодежь, все говорят молодежи нужно помогать, это же электорат перспективный. Кэмерон говорит, да, будем помогать, но не будем давать пособия или не будем давать долго пособия. Потому что это унижительно и смертельно опасно, если молодой человек начинает получать пособие. Мы должны его научить, чтобы он нашел какую-то работу. Поэтому такой откровенный разговор мне кажется, британцам понравился больше, чем социальные заигрывания лейбористов»¹².

Может быть, тогда это означает, что идея социальной справедливости изжила себя, превратилась в свою противоположность? Но что значит, изжила, для кого? Ну, да, анализ показывает, что дискурс социальной справедливости способствует противоположным тенденциям: и под-

держивает людей, и создает неразрешимые проблемы, причем вторые могут начинать перевешивать достоинства социальной помощи. Однако научные исследования, как известно, мало влияют на поведение масс и политиков. Они будут следовать за привлекательными и обещающими картинками до тех пор, пока реальные последствия «картинной жизни» не станут очевидными и больно ударят по благополучию населения. Но когда это еще произойдет, скажет скептик, и произойдет ли вообще?

Думаю, рано или поздно обязательно случится, но не само собой, а в результате наших усилий, в которых важное место занимает работа философа и ученого. Именно философы выводят на свет и анализируют реальность, которая себя уже изжила или которая, хотя и заявляется как современная, но чревата многочисленными негативными последствиями. Философы, конституируя новые способы построения знания, задают и новую реальность, призванную ответить на вызовы современности.

Итак, кто все-таки прав: уходящий американский президент или Кэмерон с Трампом? Так вот, в настоящее время вопрос решается не столько на основе справедливости или права (хотя и эти ценности участвуют в торге), сколько исходя из существующих реальностей и сил, их борьбы, торга, в ходе которых и устанавливается реалистическая конфигурация социальной жизни, включая новое понимание права и справедливости. Правда, опять же само собой это новое понимание не возникнет. Необходима философская и научная рефлексия, соответствующие исследования, а также изобретения и решения. В прошлые столетия для своих проблем и вызовов решения были найдены, сегодня они, как правило, исчерпали себя. Перед нами стоит глобальный вызов: найти новые решения, отвечающие на современные вызовы времени, каждому на своем месте, но в общем мире.

Я указал лишь на один пример, а подобных — Монблан. Речь действительно идет о повороте, смене основного строя культуры и цивилизации. «Я думаю, — размышляет Ремчуков, — что нас ждет очень интересное время, когда меняется базовая логика в анализе того, кто приходит к власти, зачем они приходят, какие цели будут преследовать, с кем будут дружить, с кем не будут дружить. Время, как бы не белых воротничков, то есть интеллектуалов, инженеров и умников, а время синих воротничков, которых, наконец, расслышал Трамп. Англия тоже прислушалась в значительной степени к этому. В России их всегда слышат. Поэтому это будет очень интересный мир, когда идеи синих воротничков, основанные не на науке, а на инстинктах, поправят какое-то время в мире. Потом, конечно, все рухнет, но это будет уже потом»¹³.

После Второй мировой войны и победы над нацизмом казалось, что восторжествовал разум и можно обеспечить развитие, которое бы привело к лучшей и более справедливой жизни на земле. Однако в конце прошлого века социальную жизнь часто справедливо называли «этот безумный, безумный, безумный мир». А начало XXI отмечено

массовым терроризмом, кровавыми революциями на Ближнем Востоке, общим падением культуры.

К сожалению, не избежала последнего и наша страна. Чем, как не падением общей культуры и захватом власти людьми, привыкшими мыслить идеологическими и шпионскими клише, можно объяснить тренды развития нашей экономики и повальное воровство в форме коррупции и инноваций? Ремчуков пишет на этот счет так: «Потому что каждого патриота поскреби из публичных и обязательно отскребешь государственное финансирование... И отсюда воровство. Мало того, что они получают прямым ходом деньги, при этом самые патриотические патриоты, это генералы спецслужб, вот самые крупные вещи Роскосмос. Ну, кто к Роскосмосу допущен. Это же все люди в погонах. Со спецдопуском. Чекистского толка. А все воруют... потому что усушки, утруски, откаты, специальная профессия появилась — бюджетовыделители за откаты. Которые ходят, лоббируют, вот этот проект будем, вот этот нет»¹⁴.

Кажется, что история пошла вспять, что почти во всем мире быстро побеждают варварство, насилие и лицемерие, что христианские и либерально-демократические ценности не просто переживают кризис, а вообще сходят со сцены истории. Западный мир еще держится, но долго ли сможет сопротивляться, учитывая, с какой скоростью Европу завоевывают арабы, а США — латиноамериканцы? И не самоубийственна ли политика российской власти, противопоставляющей нашей стране весь западный мир?

Вероятно, лишь те социальные преобразования успешны, которые, с одной стороны, подготовлены предыдущим развитием, с другой — удастся изобрести социальные технологии, позволяющие эти проекты осуществить, с третьей стороны, появляются сообщества и индивиды, которые формулируют такие проекты и готовы их реализовать. Хотя большинство социальных проектов недостижимы, а другие приводят к печальным последствиям, тем не менее, без социальных преобразований социальная жизнь не могла бы состояться. Но тогда приходится отвечать на такой вопрос: поскольку социальные преобразования успешны только в редких случаях, имеет ли место в истории прогресс, не технический (он, безусловно, идет), а культурный? Возрастает ли разумное поведение, становится ли жизнь более осмысленной, снижаются ли конфликты и войны, изменяются ли к лучшему взаимоотношения людей, увеличивается ли вес гуманистических и охранительных идей и пр.? Ответить на эти вопросы трудно, учитывая, что можно привести много весомых аргументов как «за», так и «против».

Все же мое мнение таково. Культурный прогресс происходит, он идет, хоть и очень медленно, за счет двух основных процессов. Во-первых, за счет деятельности и творчества философов, ученых, художников, инженеров и других субъектов, которые озабочены этим прогрессом, т.е. работают на культуру и человека, противостоят раз-

рушительным, нежизненным действиям других людей. Здесь можно спросить, а что я имею в виду, говоря «работают на культуру и человека», разве не существует на этот счет противоположных мнений? Существует, но в данном случае это ситуация нашего самоопределения. Кроме того, понятия блага, культуры, человека, правильной жизни и прочее, нужно каждый раз продумывать заново. В настоящее время мы имеем дело именно с таким случаем, требующим заново установиться в фундаментальных антропологических и социальных представлениях.

Во-вторых, культурный прогресс происходит за счет конкуренции социумов. Хотя нацизм и советский социализм, будучи «экстремальными социумами», какое-то время вполне успешно существовали, все же они проиграли соревнование с западными обществами. Оказалось, что хозяйство и способы жизни людей, построенные на основе соответствующих нацистских и коммунистических проектов, все же несостоятельны. С сожалением стоит заметить, что хотя в исторической перспективе такая точка зрения — вполне оптимистична, но не для отдельных стран и индивидов. Как правило, цикл жизни экстремального социума может продолжаться несколько десятилетий и больше. А этот период соизмерим с жизнью отдельного человека или поколения. Безусловно, рано или поздно экстремальные социумы сходят со сцены истории, но отдельный человек или поколение часто вынуждены жить от рождения до смерти в экстремальных социальных условиях.

В связи с этим, вероятно, стоит различать два разных уровня социального действия — «личностный», относящийся к нашим собственным решениям, где мы можем в определенной степени контролировать свои действия и их результат, и «социальный», когда речь идет о действиях и отношениях, направленных на различные социальные образования, такие как социальные институты, власть, общество и пр. Дело в том, что последние, хотя и включают в себя наши собственные действия и действия других людей, кстати, не совпадающие с нашими, они, тем не менее, являются естественными образованиями, которые можно отнести к социальным формам жизни или социальным организациям. У них свои процессы, траектории и циклы. Может быть, нам и хотелось бы заставить развиваться их в желательном для нас направлении (например, чтобы уменьшался эгоизм правящих элит), однако, зависит ли это от нас, соизмеримы ли наши силы с силами и факторами, определяющими становление и развитие этих деиндивидуальных форм жизни и социальных организмов?

Я согласен с Мишелем Фуко: не стоит указывать решение для всей России и всех россиян: медиация или революция, или западный путь, или евроазиатский и т.д. Куда идти может решить только общество, а оно у нас, как известно, слабое и больное. Однако что делать самому и куда идти, понять можно, точнее, личность, если она претендует на это звание, вполне в состоянии наметить линию своего жизненного

пути, причем даже в условиях тоталитарного строя. «Мне уже тогда, в 1952 году, — размышлял Щедровицкий, — казались бессмысленными демократические установки русской интеллигенции... Я тогда же, в 1952 году, сформулировал принцип, которого придерживаюсь и сейчас. Каждый должен заботиться о себе — в первую очередь, о себе как культурной личности, — и в этом состоят его обязанности, его обстоятельства перед людьми; каждый отвечает за свое личное поведение: не быть подлым, не приспособляться к условиям жизни, наоборот, постоянно сохранять неколебимыми принципы и позицию... Я понимал, что история естественно-исторический процесс, что люди — отдельные люди, так же как и отдельные страты — не вольны в выборе условий существования: они не выбирают ситуацию, а долг человека — жить активно, продуктивно и осмысленно в любой ситуации, какой бы она ни сложилась или какой бы она ни получилась»¹⁵.

Если предложенная личностью стратегия окажется для кого-то привлекательной, за этой личностью пойдут другие. Понятно, что не все, а дальше придется разговаривать и договариваться.

Выше я говорил о том, что неясно, куда все идет. Тем не менее я рискнул бы, имея в виду философские интересы, высказать следующую гипотезу. Проект модерна — овладение природой, Просвещение, построение общества благосостояния — себя исчерпал, завершается. С одной стороны, под сомнение поставлены традиционный разум и социальный порядок, достаточно эффективно действовавшие почти три столетия, с другой стороны, создан глобальный техноприродный феномен — Интернет (вкуче с мобильной связью и современными транспортными средствами), который по масштабам действия и негативным последствиям вполне соизмерим с действием первой природы. В результате в настоящее время нужно решать две группы задач: заново конституировать разум и социальный порядок и осваивать Интернет не столько как технический, сколько как социальный и культурный феномен, причем последний, подобно первой природе, обещает человеку и «новое могущество» (выражение Ф. Бэкона), и, как стало понятным только в XXI столетии, сложные бесконечные проблемы.

Действительно, уже сегодня, когда Интернет только-только (по историческим меркам) вступает в жизнь, он позволяет не только решать ранее не решавшиеся и новые задачи, но и выступает источником разнообразных социальных проблем и деструкций. Хакеры, возможность тотального контроля буквально за каждым, согласованные агрессивные действия тысяч людей на Востоке (в период оранжевых революций) или в Лондоне, неграмотные сомалийские пираты, использующие для навигации мобильники с картинками GPS, предоставляемая Интернетом возможность оставаться всю жизнь неграмотными, пользуясь только иконками Интернета или мобильника, мозаичное сознание и примитивное мышление молодых людей, которые не в

состоянии оторваться от экранов планшетов — это только отдельные примеры негативных последствий Интернета и мобильной связи. С недавних пор мы с вами вовлечены в процесс становления новой цивилизации, черты которой пока неясны, а будущее неопределенно и выглядит угрожающим. Опасения вполне оправданы, если учесть с какой скоростью меняются и разрушаются привычные социальные структуры и отношения, а также сама жизнь. Человек без всякого принуждения породил силы, кардинально трансформирующие его бытие.

Один из обсуждаемых в настоящее время сценариев будущего состоит в том, что развитие и экспансия современных технологий сделает вообще ненужными разум и культуру. С точки зрения этих сценаристов, отомрет и мышление, и, как следствие, нужда в философии тоже исчезнет. Но кто, спрашивается, будет создавать эти технологии, ведь не «специалисты» же с мозаичным сознанием? И разве социумы, для которых характерна низкая культура, в том числе мыслительная, выдерживают конкуренцию с теми социальными организмами, где культура и мышление на высоте?

Мыслим и другой сценарий. Да, европейский разум, мышление и стоящие за ними формы социальности уйдут со сцены истории, но на их место встанут новый разум и мышление. В их формирование существенный вклад внесут философы и методологи, ведь именно они замышляют новые формы и способы жизни и мышления. Поскольку современная глобальная революция во многом обусловлена технологическим развитием, методология, как технологическая интеллектуальная дисциплина (это я показываю в своих исследованиях), но в тандеме с философией и поэтому способная к рефлексии и обладающая разумом, безусловно, должна и может помочь в решении многочисленных проблем, вызванных современным технологическим развитием.

Наконец, выбор способа жизни зависит и от нас. Для многих ценности разума, культуры и мышления являются непреходящими. Другое дело, чтобы они оставались живыми и современными, их требуется возобновлять и заново продумывать. На мой взгляд, сегодня складывается именно такая ситуация, открывающая широкие возможности для философии и методологии.

Складывается новая культура и социальность, для которых характерны, по меньшей мере, три основных момента. Во-первых, установление *нового социального порядка, нового типа социальной справедливости*. Во-вторых, с трудом пробивающее себе дорогу понимание, что главная социальная задача ближайших двух-трех веков — *изучение и овладение нашей собственной активностью и деятельностью, прежде всего мыслительной и технической*, которые быстро становятся основными источниками социальных и антропологических проблем, деструкций и катастроф. В-третьих, *выстраивание и реализация новых сценариев и картин построения индивидуальной жизни*, где в том числе

должны найти свое разрешение и проблемы взаимоотношений личности, общества и государства. Понятно, что решение всех этих задач открывает для философии новые, широкие перспективы, поле усилий и ответственности.

Заканчивая, я хотел бы подчеркнуть, что предложенные размышления призваны инициировать обсуждение затронутых тем и вопросов. Как я понял, редакция журнала приглашает всех заинтересованных к разговору, поводом для которого стал парад знаменательных годовщин — 100 лет Октябрьской революции 1917 г., 95 лет «философского парохода», 45 лет Философского общества СССР и 25 лет Российского философского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Синеокая Ю.В. Проблемы трансляции философского знания // История философии в формате статьи. — М.: Культурная революция, 2016. С. 125–128.

² Федотова В.Г. Соотношение академической и постакадемической науки как социальная проблема. — М.: ИФРАН, 2015. С. 140, 142.

³ Мой путь в науке (интервью с проф. А.А.Зиновьевым) // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. Вып. 4 (10). С. 312, 322, 323.

⁴ Там же. С. 312.

⁵ Щедровицкий Г.П. Я всегда был идеалистом. — М.: Путь, 2001. С. 288.

⁶ Бауман З. Актуальность холокоста. — М.: Европа, 2010. С. 140, 117.

⁷ Ремчуков К. Выступление на передаче «Особое мнение» // «Эхо Москвы» от 4 апреля 2016 г.

⁸ Водозов Г.Г. Реальный гуманизм как идеология современности // Вестник РГГУ. 2015. № 13 (156). С. 18.

⁹ Пивоваров Ю.С. Истоки и смысл русской революции // В поисках теории российской цивилизации: Памяти А.С. Ахиезера. — М.: Новый хронограф, 2009. С. 48.

¹⁰ Водозов Г.Г. Реальный гуманизм как идеология современности. С. 20.

¹¹ Альбац Е. Выступление на передаче «Особое мнение» // «Эхо Москвы» от 17 января 2017 г.

¹² Ремчуков К. Выступление на передаче «Особое мнение» // «Эхо Москвы» от 11 мая 2015 г.

¹³ Ремчуков К. Выступление на передаче «Особое мнение» // «Эхо Москвы» от 17 января 2017 г.

¹⁴ Ремчуков К. Выступление на передаче «Особое мнение» // «Эхо Москвы» от 11 мая 2015 г.

¹⁵ Щедровицкий Г.П. Я всегда был идеалистом. 2-е изд. — М., 2012. С. 212–213.

REFERENCES

Albats E. Individual opinion on «The Echo of Moscow». January 17, 2017 (in Russian).

Bauman Z. *The relevance of the Holocaust*. Moscow, «Europe» Publishing House, 2010. 316 p. (Russian trans).

Fedotova V.G. The ratio of academic and postacademic science as a social problem. Moscow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, 2015. 204 p. (in Russian).

«My way in science» (An interview with prof. AA Zinoviev). In: *Lichnost. Kultura. Obschestvo*. [Personality. Culture. Society]. 2001. Vol. III. Issue 4 (10), pp. 278-334 (in Russian).

Pivovarov Y.S. The origins and meaning of the Russian Revolution. In: *In search of Russian civilization theory: Memory A.S. Akhiezer*. Moscow, The new chronograph, 2009, pp. 35-55 (in Russian).

Remchukov K. Individual opinion on «the Echo of Moscow». May 11, 2015 (in Russian).

Remchukov K. Individual opinion on «the Echo of Moscow». January 17, 2017 (in Russian).

Remchukov K. Speech at the program «Minority Report», «Echo of Moscow». April 4, 2016 (in Russian).

Schedrovitsky G.P. *I have always been an idealist*. Moscow, Way, 2001. 288 p. (in Russian).

Sineokaya Yu.V. Problems of translation of philosophical knowledge. In: *History of Philosophy in article format*. Moscow, Cultural Revolution, 2026, pp. 125-128 (in Russian).

Vodolazov G.G. Real humanism as an ideology of modernity. In: *Bulletin of the Russian State Humanitarian University*. 2015. No 13 (156), pp. 8-29 (in Russian).

Аннотация

Поводом для обсуждения современной ситуации в российской философии, а также в мире выступило совпадение знаменательных дат: 100 лет Октябрьской революции 1917 г., 95 лет «Философского парохода», 45 лет Философского общества СССР и 25 лет Российского философского общества. Сначала автор ставит такие два вопроса – насколько российской философии удалось преодолеть отставание от западной философии и не является ли российская философия провинциальной – и приводит противоположные ответы на них. Затем он сталкивает между собой несколько трактовок Октябрьской революции 1917 г., а также несколько оценок современного российского государства и строя, рассматривая в том числе взгляды на эти вопросы Александра Зиновьева, Георгия Щедровицкого, Зигмунта Баумана, Константина Ремчукова, Григория Водолазова. Вторая часть статьи посвящена анализу происходящей в мире социальной трансформации и вызовам, которые в связи с этим стоят перед человечеством, а также перед современной философией.

Ключевые слова: философия, революция, государство, истолкование, трансформация, наука, проблемы, решения

Summary

The reason for the discussion of the current situation in the Russian philosophy, as well as in the world acted the coincidence of significant dates: 100 years of the October Revolution of 1917, 95 years of «Philosophical ship», 45 years of the Philosophical Society of the USSR and 25 years of the Russian Philosophical Society. First, the author raises the following two issues - how the Russian philosophy has overcome the lag of Western philosophy is not whether the Russian philosophy of the provincial - and leads opposite answers. He then collide several versions of the October Revolution of the seventeenth year, and several assessments of the modern Russian state and the system, including examining the views on these issues Alexander Zinoviev, George Shchedrovitsky, Zygmunt Bauman, Remchukova Constantine, Gregory Vodolazova. The second part of the article is devoted to the analysis of the ongoing social transformation of the world and the challenges that therefore facing humanity and modern philosophy.

Keywords: philosophy, revolution, state, interpretation, transformation, science, problems, solutions.